

исчезнувших из городской больницы в ночь со 2 на 3 июня 1962 года. А ночью его нашли умирающим недалеко от своего дома. Дипломат с документами исчез, одежда была в крови, на лице — следы побоев. Он скончался в больнице, не приходя в сознание. Смерть догнала его почти через тридцать лет, но победить не смогла. Кровь Новочеркасска вышла из-под земли и смыла коммунистический режим спустя год после гибели Петра Сиуды.

Игорь ПОДШИВАЛОВ

WWW.GOODBOOKS.NOBLOGS.ORG

- 16 -

исчезнувших из городской больницы в ночь со 2 на 3 июня 1962 года. А ночью его нашли умирающим недалеко от своего дома. Дипломат с документами исчез, одежда была в крови, на лице — следы побоев. Он скончался в больнице, не приходя в сознание. Смерть догнала его почти через тридцать лет, но победить не смогла. Кровь Новочеркасска вышла из-под земли и смыла коммунистический режим спустя год после гибели Петра Сиуды.

Игорь ПОДШИВАЛОВ

WWW.GOODBOOKS.NOBLOGS.ORG

- 16 -

ИГОРЬ ПОДШИВАЛОВ

+++

КРОВЬ НОВОЧЕРКАССКА

ИГОРЬ ПОДШИВАЛОВ

+++

КРОВЬ НОВОЧЕРКАССКА

«- Там было, наверное, тысячи три, - прошептал он. - Чего? Мертвых, - объяснил он. — Наверное, все, кто собрался на станции. Женщина посмотрела на него с жалостью. «Здесь не было мертвых, - возразила она. — Со времен твоего родича полковника Аурелиано Буэндиа в Макондо ничего не случалось». В трех кухнях, где побывал Хосе Аркадио Второй, прежде чем добрался до своего дома, ему сказали то же самое: «Не было мертвых»...

Это цитата из романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» как нельзя лучше подходит к истории, происшедшей 41 год назад в Новочеркасске. Герой романа своими глазами видел расстрел своих земляков, а когда выбрался из вагона с трупами и вернулся в родной город, то все ему говорили: ничего не случилось. Точно так же о трагедии в Новочеркасске страна не знала долгих 27 лет, пока не был услышан голос свидетеля. Я знал

- 2 -

«- Там было, наверное, тысячи три, - прошептал он. - Чего? Мертвых, - объяснил он. — Наверное, все, кто собрался на станции. Женщина посмотрела на него с жалостью. «Здесь не было мертвых, - возразила она. — Со времен твоего родича полковника Аурелиано Буэндиа в Макондо ничего не случалось». В трех кухнях, где побывал Хосе Аркадио Второй, прежде чем добрался до своего дома, ему сказали то же самое: «Не было мертвых»...

Это цитата из романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» как нельзя лучше подходит к истории, происшедшей 41 год назад в Новочеркасске. Герой романа своими глазами видел расстрел своих земляков, а когда выбрался из вагона с трупами и вернулся в родной город, то все ему говорили: ничего не случилось. Точно так же о трагедии в Новочеркасске страна не знала долгих 27 лет, пока не был услышан голос свидетеля. Я знал

- 2 -

Шапошниковым, появились публикации в «Комсомольской правде» и в журнале «Огонек». Петр Сиуда нанес такой удар системе, от которого она уже не оправилась.

Учение о свободных профсоюзах, о трудовых коллективах, владеющих средствами производства и строящих свою жизнь независимо от государства в лице чиновников и буржуазии в лице частных предпринимателей, без партийных демагогов и прочих «друзей народа» как нельзя лучше соответствовало его представлениям о честном социализме. Поэтому он стал анархо-синдикалистом, работал над созданием независимого профсоюза и был активистом общества «Мемориал». Для властей он представлял страшную опасность — готовил книгу о Новочеркасской трагедии. Наконец, вечером 5 мая 1990 года на заседании «Мемориала» он сообщил, что нашел место захоронения жертв расстрела, в том числе и раненых, бесследно

- 15 -

Шапошниковым, появились публикации в «Комсомольской правде» и в журнале «Огонек». Петр Сиуда нанес такой удар системе, от которого она уже не оправилась.

Учение о свободных профсоюзах, о трудовых коллективах, владеющих средствами производства и строящих свою жизнь независимо от государства в лице чиновников и буржуазии в лице частных предпринимателей, без партийных демагогов и прочих «друзей народа» как нельзя лучше соответствовало его представлениям о честном социализме. Поэтому он стал анархо-синдикалистом, работал над созданием независимого профсоюза и был активистом общества «Мемориал». Для властей он представлял страшную опасность — готовил книгу о Новочеркасской трагедии. Наконец, вечером 5 мая 1990 года на заседании «Мемориала» он сообщил, что нашел место захоронения жертв расстрела, в том числе и раненых, бесследно

- 15 -

борьбы. В 1988 году он вступил в Конфедерацию анархо-синдикалистов и опубликовал в ее печатном органе – журнале «Община» воспоминания о Новочеркасской трагедии. Когда мы прочли их, то первая мысль была: этого не может быть! Даже люди, бывавшие в Новочеркасске вскоре после бойни, ни о чем не догадывались – государство умело хранить тайны своих преступлений. С солдат и милиционеров брали подписки о неразглашении, в которых была фраза: «Если я нарушу настоящую подписку, то буду привлечен к высшей мере наказания – расстрелу».

Я помню, как 5 марта 1990 года, в годовщину смерти Сталина, на митинге в память о жертвах репрессий рассказывал о Новочеркасске, и пенсионеры орал из толпы: «Это ложь! Откуда ты это знаешь? Не имеешь права!» Но скрыть правду было уже нельзя. Вскоре Юрий Щекочихин опубликовал в «Литературной газете» интервью с Сиудой и генералом

- 14 -

этого человека. Его звали Петр Петрович Сиуда, в 1962 году работавший на Новочеркасском электровозостроительном заводе, принявший активное участие в забастовке и отправленный в лагерь после расстрела рабочей демонстрации.

Первого июня 1962 года в СССР произошло очередное «временное» повышение цен на мясо, масло, молоко и другие продукты. Одновременно с этим на электровозостроительном заводе в Новочеркасске на 30-35 процентов снизили расценки. Кроме того в городе и на заводе не решалась жилищная проблема – строительство жилья велось в очень малых объемах, а плата за квартиру в частном секторе составляла в ту пору от 35 до 50 рублей в месяц, то есть от 20 до 30 процентов заработной платы рабочего. В магазинах почти не было мясных продуктов, а цены на рынке были высокими.

В то утро в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались, но о

- 3 -

борьбы. В 1988 году он вступил в Конфедерацию анархо-синдикалистов и опубликовал в ее печатном органе – журнале «Община» воспоминания о Новочеркасской трагедии. Когда мы прочли их, то первая мысль была: этого не может быть! Даже люди, бывавшие в Новочеркасске вскоре после бойни, ни о чем не догадывались – государство умело хранить тайны своих преступлений. С солдат и милиционеров брали подписки о неразглашении, в которых была фраза: «Если я нарушу настоящую подписку, то буду привлечен к высшей мере наказания – расстрелу».

Я помню, как 5 марта 1990 года, в годовщину смерти Сталина, на митинге в память о жертвах репрессий рассказывал о Новочеркасске, и пенсионеры орал из толпы: «Это ложь! Откуда ты это знаешь? Не имеешь права!» Но скрыть правду было уже нельзя. Вскоре Юрий Щекочихин опубликовал в «Литературной газете» интервью с Сиудой и генералом

- 14 -

этого человека. Его звали Петр Петрович Сиуда, в 1962 году работавший на Новочеркасском электровозостроительном заводе, принявший активное участие в забастовке и отправленный в лагерь после расстрела рабочей демонстрации.

Первого июня 1962 года в СССР произошло очередное «временное» повышение цен на мясо, масло, молоко и другие продукты. Одновременно с этим на электровозостроительном заводе в Новочеркасске на 30-35 процентов снизили расценки. Кроме того в городе и на заводе не решалась жилищная проблема – строительство жилья велось в очень малых объемах, а плата за квартиру в частном секторе составляла в ту пору от 35 до 50 рублей в месяц, то есть от 20 до 30 процентов заработной платы рабочего. В магазинах почти не было мясных продуктов, а цены на рынке были высокими.

В то утро в цехах все обсуждали неприятную новость, возмущались, но о

- 3 -

забастовке никто не помышлял. О недовольстве рабочих стало известно директору завода Курочкину, который пришел в стальные вместе с секретарем парткома. Во время разговора к группе рабочих подошла женщина, продающая пирожки, и директор решил поостроумничать. «Не хватает денег на мясо и колбасу – ешьте пирожки с ливером», – сказал он, и его слова стали искрой, которая вызвала взрыв. «Да они, сволочи, еще издеваются над нами!» – возмутились рабочие и пошли по цехам, призывая прекратить работу. Заводской гудок разнесся над городом.

Слесарь Вячеслав Черных и заводской художник Вячеслав Коротеев написали лозунги «Дайте мясо, масло, повышение зарплаты!», «Нам нужны квартиры!» и укрепили их на видных местах. После оба получили за это по 12 лет. Забастовщики перекрыли железную дорогу и остановили движение поездов, чтобы сообщить о забастовке в другие города. Их представители пошли на

- 4 -

них завершился автоматной очередью, предназначенной Сиуде. В последний момент другой охранник ударил по автомату сослуживца, и пули ушли в небо. Однажды старший лейтенант из охраны, убедившись, что рядом никого нет, сквозь зубы, шевеля губами, сообщил ему, что в Муроме произошла трагедия, аналогичная новочеркасской. Так лагерь узнал еще об одном преступлении партийной верхушки.

После ухода Хрущева с политической арены новочеркасцев стали постепенно и без лишнего шума выпускать на волю. Сиуде скостили срок до шести лет и выпустили одним из последних. Уже в камере ростовской тюрьмы он начал собирать свидетельства очевидцев трагедии и занимался этим 28 лет. Когда началась война в Афганистане, он написал возмущенное письмо Брежневу. Его встретили на улице одетые в штатское агенты КГБ и долго избивали. Тогда он снова выжил и снова не прекратил

- 13 -

забастовке никто не помышлял. О недовольстве рабочих стало известно директору завода Курочкину, который пришел в стальные вместе с секретарем парткома. Во время разговора к группе рабочих подошла женщина, продающая пирожки, и директор решил поостроумничать. «Не хватает денег на мясо и колбасу – ешьте пирожки с ливером», – сказал он, и его слова стали искрой, которая вызвала взрыв. «Да они, сволочи, еще издеваются над нами!» – возмутились рабочие и пошли по цехам, призывая прекратить работу. Заводской гудок разнесся над городом.

Слесарь Вячеслав Черных и заводской художник Вячеслав Коротеев написали лозунги «Дайте мясо, масло, повышение зарплаты!», «Нам нужны квартиры!» и укрепили их на видных местах. После оба получили за это по 12 лет. Забастовщики перекрыли железную дорогу и остановили движение поездов, чтобы сообщить о забастовке в другие города. Их представители пошли на

- 4 -

них завершился автоматной очередью, предназначенной Сиуде. В последний момент другой охранник ударил по автомату сослуживца, и пули ушли в небо. Однажды старший лейтенант из охраны, убедившись, что рядом никого нет, сквозь зубы, шевеля губами, сообщил ему, что в Муроме произошла трагедия, аналогичная новочеркасской. Так лагерь узнал еще об одном преступлении партийной верхушки.

После ухода Хрущева с политической арены новочеркасцев стали постепенно и без лишнего шума выпускать на волю. Сиуде скостили срок до шести лет и выпустили одним из последних. Уже в камере ростовской тюрьмы он начал собирать свидетельства очевидцев трагедии и занимался этим 28 лет. Когда началась война в Афганистане, он написал возмущенное письмо Брежневу. Его встретили на улице одетые в штатское агенты КГБ и долго избивали. Тогда он снова выжил и снова не прекратил

- 13 -

рабочих лидеров – Сотников, Зайцев, Шуваев, Кузнецов, Мокроусов, Черепанов и Коркач были казнены. Более сотни забастовщиков получили сроки от 10 до 15 лет. Смертные приговоры вынес председатель Верховного суда РСФСР Л. Н. Смирнов при участии прокурора А. А. Круглова.

Родина должна знать своих палачей.

Петру Сиуде тоже грозил смертный приговор, но его спасла мать, которая дошла до Микояна и напомнила ему, что отец Петра был когда-то соратником «непотопляемого наркома». Известно, что Микоян – единственный оставшийся в живых из бакинских комиссаров, впоследствии переживший и предавший всех своих хозяев, в том числе Сталина и Хрущева. Петр Сиуда сидел в той же ростовской тюрьме, где погиб его отец. Он получил 12 лет и отбывал срок в колонии усиленного режима в Коми АССР. На лесоповале новочеркасцы постоянно вступали в конфликты с администрацией и охраной, и один из

- 12 -

другие предприятия. Молодой коммунист Сергей Сотников пришел на электродный завод и призвал рабочих поддержать забастовку. Здесь мнения разделились, но один из рабочих, бывший офицер-фронтовик Андрей Коркач, отсидевший три года при Сталине, крикнул: «Кто будет работать, тот фашист!» Завод был остановлен. К забастовке присоединились и рабочие «Нефтемаша».

В полдень на электровозостроительный прибыла милиция – более сотни человек. Грозная волна забастовщиков буквально смела милицейские шеренги. Милиционеры убегали вслед за своими машинами. Еще через несколько часов к заводу были стянуты подразделения новочеркасского гарнизона. Солдаты были без оружия. Сблизившись, шеренги солдат и рабочих смешались, началось братание. Офицеры с трудом вытаскивали солдат из толпы. Поскольку солдаты оказались ненадежны, на подавление бросили

- 5 -

рабочих лидеров – Сотников, Зайцев, Шуваев, Кузнецов, Мокроусов, Черепанов и Коркач были казнены. Более сотни забастовщиков получили сроки от 10 до 15 лет. Смертные приговоры вынес председатель Верховного суда РСФСР Л. Н. Смирнов при участии прокурора А. А. Круглова.

Родина должна знать своих палачей.

Петру Сиуде тоже грозил смертный приговор, но его спасла мать, которая дошла до Микояна и напомнила ему, что отец Петра был когда-то соратником «непотопляемого наркома». Известно, что Микоян – единственный оставшийся в живых из бакинских комиссаров, впоследствии переживший и предавший всех своих хозяев, в том числе Сталина и Хрущева. Петр Сиуда сидел в той же ростовской тюрьме, где погиб его отец. Он получил 12 лет и отбывал срок в колонии усиленного режима в Коми АССР. На лесоповале новочеркасцы постоянно вступали в конфликты с администрацией и охраной, и один из

- 12 -

другие предприятия. Молодой коммунист Сергей Сотников пришел на электродный завод и призвал рабочих поддержать забастовку. Здесь мнения разделились, но один из рабочих, бывший офицер-фронтовик Андрей Коркач, отсидевший три года при Сталине, крикнул: «Кто будет работать, тот фашист!» Завод был остановлен. К забастовке присоединились и рабочие «Нефтемаша».

В полдень на электровозостроительный прибыла милиция – более сотни человек. Грозная волна забастовщиков буквально смела милицейские шеренги. Милиционеры убегали вслед за своими машинами. Еще через несколько часов к заводу были стянуты подразделения новочеркасского гарнизона. Солдаты были без оружия. Сблизившись, шеренги солдат и рабочих смешались, началось братание. Офицеры с трудом вытаскивали солдат из толпы. Поскольку солдаты оказались ненадежны, на подавление бросили

- 5 -

офицеров на бронетранспортерах. Но рабочие обступили машины и стали вручную раскачивать их из стороны в сторону. Бронетранспортеры вскоре ушли. Невооруженные рабочие одерживали победу за победой, не пролив ни капли крови.

На площади возле заводоуправления начался митинг. Петру Сиуде в то время было 24 года. Его отец, большевик с 1903 года, начинал свою революционную деятельность в Батуме, был хорошо знаком с Джапаридзе, Фиолетовым, Микояном и другими бакинскими комиссарами и даже со Сталиным. В 1937 году он погиб от пыток в ростовской тюрьме. Мать Сиуды провела семь лет в лагерях. Петр Сиуда считал себя беспартийным большевиком и именно поэтому был противником КПСС. Он выступил на митинге с речью. «Я выступил с предложением продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность, - рассказывал он, -

- 6 -

лозунг: «Долой Хрущева!» В город уже прибыл Микоян и член Политбюро Ф. Р. Козлов, которые были вынуждены пойти на переговоры. Рабочие избрали делегацию из десяти человек, которая пошла в горком. Рабочий станкостроительного завода Борис Мокроусов потребовал у Микояна вывода войск из Новочеркасска, наказания виновных в кровопролитии и в заключение прочел сталинскому соратничку пародию на поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», из которой следовало, что жить хорошо Хрущеву и его окружению, а не народу. За это Мокроусова потом расстреляли.

В ночь на 3 июня начались массовые аресты. Агенты КГБ сделали тысячи фотографий участников событий, по этим снимкам и брали людей. В городе был введен комендантский час, и сразу улучшено снабжение продуктами. Информация о Новочеркасской трагедии была засекречена. Через два месяца начались судебные расправы. Семеро

- 11 -

офицеров на бронетранспортерах. Но рабочие обступили машины и стали вручную раскачивать их из стороны в сторону. Бронетранспортеры вскоре ушли. Невооруженные рабочие одерживали победу за победой, не пролив ни капли крови.

На площади возле заводоуправления начался митинг. Петру Сиуде в то время было 24 года. Его отец, большевик с 1903 года, начинал свою революционную деятельность в Батуме, был хорошо знаком с Джапаридзе, Фиолетовым, Микояном и другими бакинскими комиссарами и даже со Сталиным. В 1937 году он погиб от пыток в ростовской тюрьме. Мать Сиуды провела семь лет в лагерях. Петр Сиуда считал себя беспартийным большевиком и именно поэтому был противником КПСС. Он выступил на митинге с речью. «Я выступил с предложением продолжать забастовку, соблюдать выдержку, твердость, организованность, - рассказывал он, -

- 6 -

лозунг: «Долой Хрущева!» В город уже прибыл Микоян и член Политбюро Ф. Р. Козлов, которые были вынуждены пойти на переговоры. Рабочие избрали делегацию из десяти человек, которая пошла в горком. Рабочий станкостроительного завода Борис Мокроусов потребовал у Микояна вывода войск из Новочеркасска, наказания виновных в кровопролитии и в заключение прочел сталинскому соратничку пародию на поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», из которой следовало, что жить хорошо Хрущеву и его окружению, а не народу. За это Мокроусова потом расстреляли.

В ночь на 3 июня начались массовые аресты. Агенты КГБ сделали тысячи фотографий участников событий, по этим снимкам и брали людей. В городе был введен комендантский час, и сразу улучшено снабжение продуктами. Информация о Новочеркасской трагедии была засекречена. Через два месяца начались судебные расправы. Семеро

- 11 -

застрелился перед строем. Но огонь был открыт. Вначале поверх голов, по деревьям, на которых сидели мальчишки, которые посыпались с высоты, как горох. Среди них был паренек, много лет спустя ставший генералом Лебедем. Он вспоминал об этом страшном дне в своей книге «За державу обидно!» Затем автоматы ударили по толпе. Люди разбежались, а на площади осталось лежать около пятидесяти убитых и раненых. Ошалевший майор ступил в лужу крови. Кто-то ему крикнул: «Смотри, сволочь, где стоишь!» Майор тут же пустил себе пулю в голову. Тела с площади быстро убрали, кровь смыли брандспойтами. И убитые, и раненые исчезли бесследно, никого не отдали родным.

После расстрела забастовка охватила весь город. Тысячи рабочих и студентов подъезжали на машинах к Московской площади, высаживались и молча шли к горкому. Сколько их было – двадцать, тридцать тысяч? Тогда и появился

- 10 -

застрелился перед строем. Но огонь был открыт. Вначале поверх голов, по деревьям, на которых сидели мальчишки, которые посыпались с высоты, как горох. Среди них был паренек, много лет спустя ставший генералом Лебедем. Он вспоминал об этом страшном дне в своей книге «За державу обидно!» Затем автоматы ударили по толпе. Люди разбежались, а на площади осталось лежать около пятидесяти убитых и раненых. Ошалевший майор ступил в лужу крови. Кто-то ему крикнул: «Смотри, сволочь, где стоишь!» Майор тут же пустил себе пулю в голову. Тела с площади быстро убрали, кровь смыли брандспойтами. И убитые, и раненые исчезли бесследно, никого не отдали родным.

После расстрела забастовка охватила весь город. Тысячи рабочих и студентов подъезжали на машинах к Московской площади, высаживались и молча шли к горкому. Сколько их было – двадцать, тридцать тысяч? Тогда и появился

- 10 -

призвал на следующее утро идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату госучреждений, к насилию были отвергнуты».

Поздно вечером рабочие сняли с фасада заводууправления портрет Хрущева и сожгли его.

Ночью в город прибыли воинские части. Жители пытались строить баррикады, но танки с легкостью преодолевали препятствия. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели.

Утром 2 июня на НЭВЗ пришли рабочие всех трех смен. Многотысячная колонна направилась в город. Путь до центра Новочеркасска – 12 километров. По дороге к демонстрации присоединялись новые люди. Колонны шли к горкому с разных заводов. Появились красные знамена, портреты Ленина. Люди пели революционные песни. На мосту через реку Тузлов

- 7 -

призвал на следующее утро идти в город демонстрацией, выработать общие требования и предъявить их властям. Призывы к захвату госучреждений, к насилию были отвергнуты».

Поздно вечером рабочие сняли с фасада заводууправления портрет Хрущева и сожгли его.

Ночью в город прибыли воинские части. Жители пытались строить баррикады, но танки с легкостью преодолевали препятствия. Тогда рабочие стали запрыгивать на танки на ходу и своей одеждой закрывать смотровые щели.

Утром 2 июня на НЭВЗ пришли рабочие всех трех смен. Многотысячная колонна направилась в город. Путь до центра Новочеркасска – 12 километров. По дороге к демонстрации присоединялись новые люди. Колонны шли к горкому с разных заводов. Появились красные знамена, портреты Ленина. Люди пели революционные песни. На мосту через реку Тузлов

- 7 -

стояли два танка и вооруженные солдаты. Громадная масса людей остановилась, затем медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: «Дорогу рабочему классу!» Солдаты и танкисты не стали стрелять. Ими командовал Герой Советского Союза генерал М. К. Шапошников, который отказался отдать приказ открыть огонь, за что вскоре был уволен из армии.

Когда многотысячная демонстрация подошла к горкому, партийные боссы во главе с первым секретарем Ростовского обкома А. Басовым сбежали. Рабочие ворвались в здание и обнаружили в кабинете богато накрытый стол – отцы города готовились к встрече правительственной комиссии, ждали самого А. Микояна. Обнаружив спрятавшегося за диваном чиновника, рабочие выволокли его на балкон и потребовали объяснить, почему это он роскошествует, когда людям нечего есть. Продемонстрировали собравшимся и коньяк с закуской. Работница

- 8 -

строительного управления Екатерина Левченко с обкомовского балкона сообщила о ночных арестах и призвала освободить товарищей. Часть митингующих во главе со слесарем завода «Гормаш» Владимиром Черепановым тут же пошла к горотделу милиции. Там и пролилась первая кровь.

Подъехали автоматчики и начали оттеснять людей. Рабочие пошли на штурм горотдела, вышибли дверь и ворвались внутрь. Черепанов схватился за автомат солдата, и раздалась очередь. Один из рабочих был убит. Его подняли на вытянутых руках и вынесли на улицу. А через несколько минут начался расстрел возле горкома. Спустя много лет выяснилось, что приказ открыть огонь отдал министр обороны СССР маршал Р. Малиновский, а непосредственно в Новочеркасске это сделал командующий войсками Северо-Кавказского округа генерал И. Плиев. Неизвестный офицер, получивший приказ, отказался его выполнить и

- 9 -

стояли два танка и вооруженные солдаты. Громадная масса людей остановилась, затем медленно двинулась вперед. Раздались возгласы: «Дорогу рабочему классу!» Солдаты и танкисты не стали стрелять. Ими командовал Герой Советского Союза генерал М. К. Шапошников, который отказался отдать приказ открыть огонь, за что вскоре был уволен из армии.

Когда многотысячная демонстрация подошла к горкому, партийные боссы во главе с первым секретарем Ростовского обкома А. Басовым сбежали. Рабочие ворвались в здание и обнаружили в кабинете богато накрытый стол – отцы города готовились к встрече правительственной комиссии, ждали самого А. Микояна. Обнаружив спрятавшегося за диваном чиновника, рабочие выволокли его на балкон и потребовали объяснить, почему это он роскошествует, когда людям нечего есть. Продемонстрировали собравшимся и коньяк с закуской. Работница

- 8 -

строительного управления Екатерина Левченко с обкомовского балкона сообщила о ночных арестах и призвала освободить товарищей. Часть митингующих во главе со слесарем завода «Гормаш» Владимиром Черепановым тут же пошла к горотделу милиции. Там и пролилась первая кровь.

Подъехали автоматчики и начали оттеснять людей. Рабочие пошли на штурм горотдела, вышибли дверь и ворвались внутрь. Черепанов схватился за автомат солдата, и раздалась очередь. Один из рабочих был убит. Его подняли на вытянутых руках и вынесли на улицу. А через несколько минут начался расстрел возле горкома. Спустя много лет выяснилось, что приказ открыть огонь отдал министр обороны СССР маршал Р. Малиновский, а непосредственно в Новочеркасске это сделал командующий войсками Северо-Кавказского округа генерал И. Плиев. Неизвестный офицер, получивший приказ, отказался его выполнить и

- 9 -